

Пизаева А.Н

Тверской государственной университет, магистрант

Научный руководитель: к.ф.н. Ланских Ю.В.

СПЕЦИФИКА СТИЛИЗАЦИИ РЕЧИ-ГЕРОЯ РАССКАЗЧИКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ДЕТЕКТИВОВ РИТЫ ФАЛЬК)

В художественной литературе эффективным приёмом создания образа рассказчика выступает стилизация речи героя – сознательное отступление от литературной нормы и имитация устной, диалектной или профессиональной речи. Особенно ярко это проявляется в жанре провинциального детектива. На примере серии детективов Риты Фальк о баварском полицейском Франце Эберхофере в настоящей статье рассматриваются способы речевой стилизации на фонетическом, лексическом, грамматическом и синтаксическом уровнях.

Эмпирическую базу составляют семь романов: «Schweinskopf al dente» (2011 г.), «Grießnockerlaffäre» (2012 г.), «Weißwurstconnection» (2016 г.), «Leberkäsjunkie» (2016 г.), «Kaiserschmarrndrama» (2018 г.), «Guglhupfgeschwader» (2019) и «Rehragout-Rendezvous» (2021 г.).

Обращаясь к теоретическому осмыслению данного приёма, необходимо уточнить, что понимается под языковым стилем в целом. Согласно В. В. Виноградову, стиль – «это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения...» [Виноградов 1955: 73]. Г. Ю. Завгородняя пишет, что «стилизация – это воссоздание с определенными художественными задачами чужого стиля или его элементов через внешние, узнаваемые черты» [Завгородняя 2017: 10]. М. М. Бахтин отмечал, что «объект стилизации – чужая речь» [Бахтин 1979: 214], а согласно Л. В. Щербе, посредством стилизации тексты «рисуют все то разнообразие разговорных, социальных и отчасти географических диалектов... Через язык рисуется социальная среда» [Щерба 1957: 119].

Центральный персонаж серии – комиссар полиции Франц Эберхофер (нем. Franz Eberhofer), несущий службу в родной деревне Нидеркальтенкирхен. Деревня Нидеркальтенкирхен является фиктивным местом действия серии детективов Риты Фальк, выдуманной автором баварской деревушкой в часе езды от баварской столицы. Ранее Франц работал в Мюнхене, однако был переведён в провинцию в качестве дисциплинарного наказания. Главный герой конструируется как носитель гиперболизированной маскулинности: он груб, относится к большинству окружающих с легким пренебрежением, его коммуникативное поведение маркирует доминантность и эмоциональную сдержанность. В языковом плане эти черты реализуются через намеренное утрирование определенных речевых паттернов. Маскулинная стилизация проявляется не столько в тематике высказываний, сколько в способах речевого оформления: выборе лексики, синтаксических конструкциях, использовании маркеров устной спонтанной речи.

Как отмечает М. В. Беликова, мужская речь часто клиширована, предложения в ней, как правило, в разы короче и менее красочны, чем у женщин. Побудительные предложения, побуждающие к выполнению того или иного действия / приказа / просьбы, употребляются чаще других, что объясняется лидерскими задатками мужского пола [Беликова 2009: 89].

Анализ диалогов Франца полностью подтверждает данное наблюдение. Приведем примеры:

(1) «*Gibt's sonst noch was Neues aus der Heimat?*», *fragt der Richter mit zittriger Stimme.*

Ich schüttel den Kopf (Schweinskopf al dente, S. 157).

В приведенном примере на вопрос судьи о новостях из родного края Франц лишь качает головой. Главный герой не использует вербальное подтверждение или отрицание, отсутствуют объяснения, уточнения, встречные вопросы, внешняя речь полностью замещена жестами.

(2) «*Großartige Verkleidung, wirklich*», *sag ich.*

«*Es schaut Scheiße aus mit dem weißen Gesicht*», *sagt er brummig.*

«*Es schaut wunderbar aus*», *sag ich.* «*Viel besser als mit Schuhcreme. Und der Marley, der war ja auch gar nicht richtig schwarz. Mehr so Mulatt, weißt du. Schmier dich lieber mit Schokolade ein, vielleicht lutschen's dir dann später die Weiber runter*» (Sauerkrautkoma, S. 31).

В диалоге с отцом о внешности последнего даже в относительно развернутом высказывании Франца наблюдается парцелляция – намеренное разбиение фразы на короткие, простые предложения. Каждое предложение завершает законченную мысль, но в совокупности они создают эффект рубленой, энергичной речи.

Франц активно использует побудительные конструкции, выражающие приказ или требование:

(3) «*Gib mir acht Leberkässemmeln und halt einfach dein Maul*», *sag ich* (Sauerkrautkoma, S. 6).

В данной реплике Франц одновременно отдает распоряжение и использует грубый побудительный оборот «*halt einfach dein Maul*» (рус. заткнись), что демонстрирует его доминантную позицию в коммуникации.

(4) «*Hol deine Scheißvase gefälligst selber. Und pass bloß auf, dass nicht irgendein giftiges Gras da drunter ist. Das könnte ihn nämlich töten*» (Sauerkrautkoma, S. 90).

В данном фрагменте сочетаются две побудительные конструкции: первая – с усилительной частицей «*gefälligst*» (рус. «сделай милость», здесь в ироничном значении), вторая – с предупреждением «*pass bloß auf*» (рус. «смотри мне»). Относительно развернутое объяснение «*Das könnte ihn nämlich töten*» оформлено в виде короткого простого предложения, что соответствует принципу синтаксической экономии.

В диалоге с сантехником Флётцингером Франц, вынужденно исполняющий роль дорожного инспектора, использует серию коротких вопросов, не давая собеседнику закончить мысль:

(5) «*Reifen abgefahren. TÜV abgelaufen. ASU versäumt. Ist der BMW tiefer gelegt? Steht das auch in den Papieren?*»

«Also, Franz ...»

«*Warndreieck, Warnweste, Verbandskasten, Aids-Handschuhe?*»

«Franz, bitte ...»

«*Führerschein, Fahrzeugpapiere?*»

«*Geh, Franz, jetzt mach mal einen Punkt*», sagt der Pfuscher. (Sauerkrautkoma, S. 123)

Каждый вопрос Франца представляет собой эллиптическую конструкцию, опускается либо глагол-связка в пассиве состояния («Reifen abgefahren») и основной акцент приходится на совершенность действия, выраженного причастием вторым, либо предложения состоят исключительно из подлежащего («Führerschein, Fahrzeugpapiere»). Франц не строит развернутых предложений, а «отстреливает» короткие фразы, что создает эффект допроса и подчеркивает его доминантную позицию.

В сравнении с женской речью, как отмечает В.И. Жельвис, мужская разговорная речь является более грубой. Они часто прибегают к использованию резких и вульгарных инвектив, сниженной и бранной лексики для неодобрительной оценки [Жельвис 1991: 270]. Грубая и сниженная лексика активно используется автором для стилизации речи главного героя.

В детективе «Kaiserschmarrndrama» встречается выражение «tote Hose» в реплике бургомистра:

(6) «*Da könnens ja direkt von Glück reden, dass beruflich gesehen grad eher **tote Hose** ist, oder*» (Kaiserschmarrndrama, S. 12).

Данное фразеологическое выражение относится к разговорно-сниженному регистру, в буквальном переводе означает «мертвые штаны», а в переносном значении употребляется для обозначения отсутствия активности, затишья, скуки. В контексте оно приобретает ироническую окраску и используется для неформальной характеристики профессиональной ситуации.

В «Rehragout-Rendezvous» Франц следующим образом характеризует внешний вид персонажа:

(7) «*Sie trägt noch immer diesen kleinen, heißen **Fummel** unter ihrem Morgenmantel*» (Rehragout-Rendezvous, S. 38).

Лексема «Fummel» относится к сниженной разговорной лексике и обозначает легкомысленную, вызывающую одежду, что придает высказыванию пренебрежительно-ироническую окраску.

Еще одним примером является ирония главного героя относительно возможной кражи:

(8) «*Hat jemand den Zapfhahn vom Wolfi **geklaut?***» (Rehragout-Rendezvous, S. 37).

Глагол «klauen» в немецком языке является стилистически сниженным синонимом нейтрального «stehlen» и обладает фамильярной, почти жаргонной окраской. В русском языке ему соответствуют глаголы «стырить», «спереть».

Интересно отметить следующее предложение:

(9) «*Einen **Zechpreller** im Heimatwinkel drüber hab ich gehabt*» (Kaiserschmarrndrama, S. 9).

Лексема «Zechpreller» обозначает человека, который уходит из ресторана, не заплатив по счету, и несет отчетливо негативную, осуждающую окраску, характеризую определенный тип социально неодобряемого поведения.

У главного героя есть брат Леопольд, пренебрежительное отношение к которому последовательно акцентируется:

(10) «*Außerdem versteh sie wohl noch immer nicht so recht, wovon er ständig so schwafelt, der Leopold*» (Kaiserschmarrndrama, S. 48).

Глагол «schwafeln» относится к разговорно-сниженному регистру и обозначает бессвязную, бессодержательную болтовню. Данная лексема имеет дополнительную пренебрежительную окраску, характеризую речь Леопольда как невразумительную и раздражающую рассказчика.

(11) «*Du hast mir ins Lenkrad gegriffen“, öffnet er mich jetzt nach*» (Kaiserschmarrndrama, S. 22).

Глагол «nachäffen» (рус. обезьянничать, передразнивать) несет отчетливо негативную, пренебрежительную окраску. В отличие от нейтрального «nachahmen», данный глагол имплицитно несет критическую оценку воспроизводимого поведения как нелепого, неуместного или инфантильного. Использование данной лексемы в контексте передачи чужой речи позволяет рассказчику выразить раздражение по поводу поведения собеседника.

(12) «*Einfach, weil sich die ganze restliche Sippschaft so dermaßen einig war, das war wirklich zum Kotzen*» (Kaiserschmarrndrama, S. 11).

Лексема «Sippschaft» является стилистически сниженным обозначением родственников или близких людей, образованным от нейтрального «die Sippe» (рус. род, клан) с помощью суффикса -schaft. В отличие от нейтрального «die Verwandtschaft», данный вариант несет маркированную негативную оценку говорящим тех, о ком идет речь, и выражает раздражение по поводу их единодушия. Усиливает экспрессию обстоятельство степени «so dermaßen» (рус. до такой степени, чертовски) и предикатив «zum Kotzen» (букв. «чтобы стошнило»), который в разговорном регистре означает крайнюю степень недовольства и отвращения.

(13) «*Einen ebensolchen Ausfall stellt der Leopold dar, weil der sich noch immer sehr erfolgreich in seinen Depressionen zwecks familiären Defiziten suhlt*» (Rehragout-Rendezvous, S. 41).

В примере (13) использован глагол «sich suhlen», принадлежащий к лексике охотничьего жаргона, и в прямом значении описывающий поведение диких животных, например, кабанов, валяющихся в грязи. В переносном употреблении этот глагол приобретает резко негативную, уничижительную окраску, представляя душевные страдания брата как нечто низменное, почти животное. Сходным образом, В.И. Жельвис отмечает наличие в мужской речи большого количества терминов, абстрактных существительных, жаргонизмов, неологизмов, варваризмов и применением багажа профессиональных знаний вне сферы конкретной ситуации общения [Жельвис 1991: 270].

Значительно более резкие выражения появляются в конфликтной ситуации:

(14) «*Du bist doch mit deinem ganzen Gewicht auf mich draufgeknallt, verdammte Scheiße*» (Kaiserschmarrndrama, S. 22).

Инвектива «*verdammte Scheiße*» относится к грубой, вульгарной лексике. Примечательно, что Франц использует это выражение не в качестве адресного оскорбления собеседника, а как общую эмоциональную реакцию на болезненное и неприятное событие. Такое употребление подтверждает наблюдение Жельвиса о том, что мужчины часто прибегают к резким инвективам не столько для агрессии, сколько для эмоциональной разгрузки и снятия напряжения [Жельвис 1991: 271].

Важно отметить, что роман не ограничивается только имитацией мужской речи. Объектом стилизации выступает языковой уклад баварской провинции. Для описания этого явления наиболее релевантным представляется термин Л. В. Самуйловой «*хохдойч по-баварски*» [Самуйлова 2017: 162], обозначающий ситуацию, при которой стандартный немецкий язык получает баварскую диалектальную окраску без перехода в собственно диалект. Вместо фиксации точной фонетически и грамматически диалектной речи, что сделало бы текст малопонятным для широкого круга читателей за пределами Баварии, автор ограничивается созданием поверхностной стилизации, маркирующей региональную принадлежность персонажей. Речевое поведение Франца Эберхофера представляет собой целостную стилистическую систему, обусловленную его социальным происхождением, гендерной идентичностью и системой ценностей. Являясь коренным жителем баварской деревни, персонаж активно использует элементы баварского диалекта. Приведем некоторые примеры.

(15) «*Und wie ich kurz darauf an einer roten Ampel anhalten muss, da schwitz ich gleich wie ein gesalzener Radi*» (Kaiserschmarrndrama, S. 69).

Фразеологическое сравнение «*wie ein gesalzener Radi*» (рус. «как солёная редька») относится к типичным баварским выражениям. Слово «*Radi*» является баварским вариантом литературного «*Rettich*». В данном контексте сравнение используется для гиперболического описания интенсивного потоотделения. Выбор именно диалектного компонента, а не нейтрального литературного эквивалента, придаёт высказыванию экспрессивную окраску, характерную для спонтанной эмоциональной речи.

(16) «*Jetzt hör mir mal zu, Spatzilein*», sag ich nun ziemlich laut (Kaiserschmarrndrama, S. 79).

Уменьшительно-ласкательная форма обращения «*Spatzilein*» образована от диалектного «*Spatzi*» (рус. воробушек) с помощью уменьшительного суффикса «*-lein*». Данное обращение относится к ласкательной лексике и выражает тёплое, фамильярное отношение говорящего к адресату. Несмотря на свой зачастую пренебрежительный тон, это пример того, как Франц ласково общается к своей возлюбленной Сюзи.

(17) «*Und ich nick wie ein Schulbub und lauflos, um ihr eine Tasse ganz heißen Kaffee zu holen*» (Rehragout-Rendezvous, S. 40).

Лексема «Schulbub» представляет собой южнонемецкий регионализм, соответствующий литературному «Schuljunge» или «Schüler». Сравнение себя со «школьным мальчиком» несёт дополнительный оттенок самоиронии.

(18) «*Und warum schickt er uns seine dämliche chinesische Wohnwissenschaftlerin, nur weil er an so einen **Schmarrn** glaubt?*» (Kaiserschmarrndrama, S. 50).

Существительное «Schmarrn» является баварско-австрийским регионализмом, который в литературном немецком языке соответствует «Unsinn» или «Quatsch» (рус. чепуха, ерунда, вздор). Исходное значение слова – «Kaiserschmarrn» (рус. Императорский омлет, сладкое и мучное блюдо австрийской кухни) в разговорном регистре трансформировалось в экспрессивное обозначение бессмысленной, нелепой ситуации или высказывания.

(19) «*Wenn ich keine **Kanone** bin, dann weiß ich echt nimmer*» (Kaiserschmarrndrama, S. 19).

Лексема «Kanone» (рус. «пушка») в баварском диалекте употребляется в переносном значении для обозначения выдающегося, исключительного человека, мастера своего дела (аналогично русскому «пушка» в значении «отлично» или «высший класс»).

В речи Франца Эберхофера систематически встречается частица «gell», выполняющая функцию подтверждения или запроса согласия. Данная частица является характерной для южнонемецкого (баварского и австрийского) языкового ареала и соответствует литературным вариантам «nicht wahr?», «oder?», «stimmt's?». Приведем ряд примеров из романа «Kaiserschmarrndrama»:

(20) «*Da werden wir schon an einer Lösung basteln, wir zwei, **gell***» (Kaiserschmarrndrama, S. 88).

(21) «***Gell**, da schauts*» (Kaiserschmarrndrama, S. 66).

(22) «*Du, ich bleib dran, sobald sich die Gelegenheit dazu ergibt, **gell***» (Kaiserschmarrndrama, S. 52).

(23) «*Aber da sieht man's mal wieder, **gell***» (Kaiserschmarrndrama, S. 45).

(24) «*Jetzt steht ja weiteren erfolgreichen Ermittlungen nichts mehr im Weg, **gell***» (Kaiserschmarrndrama, S. 18).

(25) «*Meistens eher unkonventionell und von Zeit zu Zeit doch auch lebensgefährlich sind, **gell***» (Kaiserschmarrndrama, S. 18).

На грамматическом уровне в речи комиссара зафиксированы следующие диалекто-разговорные явления: притяжательный датив (нем. possessiver Dativ), употребление имен собственных с определенным артиклем, диминутивы (уменьшительно-ласкательные суффиксы), употребление дательного падежа после предлога «wegen», двойное отрицание, употребление вспомогательного глагола «sein» при образовании форм перфекта с глаголами позиции (stehen, sitzen, liegen, hängen), а также употребление союза «wie» в сложноподчиненных предложениях с темпоральным значением:

(26) «*Der gwamperte Sohn von der Susi ihrem Vermieter, den kennst doch auch, oder?*» (Weisswurstconnection, S. 88).

(27) «*Danach schnapp ich mir den Ludwig, und wir drehen unsere Runde*» (Schweinskopf al dente, S. 25).

(28) «Doch grad **wie** ich mir **ein Radieserl** in den Mund schieb, geht es bergab» (Kaiserschmarrndrama, S. 194).

(29) «Du, Franz, reißt mich der Heizungspfuscher aus meinen Gedanken. **Wegen eurem Bad nochmal**» (Kaiserschmarrndrama, S. 13).

(30) «Und ich hock mittendrin und komm deshalb zu **keiner** einzigen anständigen Arbeit **nicht**» (Kaiserschmarrndrama, S. 9).

(31) «**Ist einfach nur mit uns anderen dort an der Theke gesessen, hat Bier getrunken und den einen oder anderen höchst professionellen Kommentar zum Fußballspiel abgegeben**» (Kaiserschmarrndrama, S. 62).

(32) «**Schlüssel her, ruft er nun gleich, wie ich aus dem Wagen steig**» (Kaiserschmarrndrama, S.14).

Речевая манера Франца Эберхофера – не стилистическая случайность, а системное отражение его личности, статуса и системы отношений. Профессиональная деятельность и отсутствие академического образования обуславливают доминирование разговорно-сниженной лексики. Как персонаж-мужчина, он воспроизводит стереотипный «мужской» тип речи: экспрессивность, склонность к грубоватым и физиологическим выражениям, бранную лексику. При этом его речь демонстрирует эмоциональную дифференциацию: к близким – уменьшительно-ласкательные формы, к нелюбимым – оскорбительные номинации с открытой негативной оценкой.

В заключении приведём цитату В. П. Москвина, который писал, что смена гендерной роли открывает перед писателем возможность нового творческого опыта и выступает как особый принцип текстопостроения, отражающий стремление автора к освоению всех форм литературной игры и стилизации. Современный автор не ограничивается рамками индивидуальной манеры, но обращается к стилистике различных социальных групп, включая специфику мужского и женского речевого поведения [Москвин 2004: 26]. Рита Фальк, создавая речевой портрет Франца Эберхофера, успешно реализует этот принцип.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1979. 318 с.

Жельвис В. И. Инвектива: мужское и женское предпочтение // Этнические стереотипы мужского и женского поведения: сб. ст. / отв. ред. А. К. Байбурин, И. С. Кон. СПб.: Наука, С.-Петербург. отд-ние, 1991. С. 266-283.

Завгородняя Г. Ю. Стилизация в русской прозе XIX – начала XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/stilizatsiya-v-russkoj-proze-xix-nachala-xx-veka#ixzz4fx1pYcSM> (дата обращения: 25.04.2017).

Москвин В. П. Стилизация и пародия // Русская речь. 2004. № 4. С. 18-25.

Самуйлова Л. В. Хохдойч по-баварски // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 162-168.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1957. 188 с.